

УДК 101.1

Понятия философа и философии, или об актуальности метафилософии

В. И. Чуешов, доктор философских наук, профессор*

В статье рассмотрены понятия философа и философии. Подчеркнута актуальность их этимологии, а также необходимость различения слова и понятия философии. Обоснована необходимость дифференциации понятия философии, с одной стороны, и ее риторических характеристик, описаний и пр. — с другой стороны. Показано, что понятие философии корректно определяется через указание на его ближайший род и специфические признаки. Обосновывается, что многообразие понятий философии не может быть потенциально бесконечным, в отличие от ее риторических характеристик. Специально проанализированы специфические признаки философии как знания и деятельности. Обосновано представление о том, что многообразие определенных понятий философии обусловлено отсутствием общепринятых определений ее специфических признаков. Это обуславливает необходимость использования в конструировании понятия философии метаязыка ее специфических признаков. В соответствии с его содержанием, важнейшей особенностью природы философии оказывается ее метастатус. Он является предметом специального изучения в метафилософии, развитие которой является актуальной задачей современной философии.

Ключевые слова: философ, философия, мудрость, природа философского знания, специфика философской деятельности, критика, метамышление, метафилософия.

Philosopher and Philosophy Concepts, or about Methaphilosophy of Current Importance

V. I. Tchouechov, PhD in Philosophy, Professor*

The article deals with philosopher and philosophy concepts. Author points out the etymology up-to-date concepts, as well as necessity to demarcate between words and concepts philosopher and philosophy. A philosophy concept may be defined through genus-differentia specifica. Instead of variety the philosophy rhetoric characteristics, a valid logic definition of philosophy concept has not indefinite. Specific character of philosophy as knowledge and an activity has been analyzed. There are deep connection between variety of philosophy definitions and the absence of philosophy specificity common understanding. This fact is a reason for methanature of a philosophy concept. It is methaspecificity of philosophy that provide its sense and meaning philosophy concept. There is a deep necessity to develop a contemporary methaphilosophy as an investigation of philosophical knowledge, activity, institution and mode of life nature.

Key words: philosopher, philosophy, wisdom, nature of philosophical knowledge and investigation, critique, methathinking, methaphilosophy.

Слово «философ» в употребление вошло раньше имени «философия». Согласно преданию, впервые его использовал Пифагор, ученик Ферекида и Гермодаманта. Правителю Леонта самосец назвал себя философом [1, с.334], по-русски — любителем мудрости.

Со временем это имя и производное от него «философия» получили постоянную прописку в культуре. В наши дни они в ней, однако, понимаются по-разному.

Тем, кто не отрывается от этимологии, слово «философия» указывает на *любовь-дружбу* (в понятии любви древние греки различали страсть (*eros*);

дружбу (*fileo*), уважение (*agape*)) между философом и мудростью. Первая понятийно ссылается на отсутствие секретов между любознательным и знанием, в особенности, истиной. Истина-знание является *необходимым* условием мудрости, как и высокая степень доверия между друзьями.

Знание (истина) необходимое, но *недостаточное* свойство мудрости (знание необходимый, но недостаточный признак мудрости, однако традиционно приписываемые мудрецу качества осмыслены лишь в единстве с определенными знаниями). Для последователей Пифагора и здравого смысла, без солидного возраста, «фалесовской скромности», некоторых других внешних признаков: широкого лба, бороды, а позже, очков и пр., правильно помыслить понятие любознательного было сложно. Несмотря на то, что в наши дни список существенных

* Заведующий кафедры философских наук и идеологической работы Академии управления при Президенте Республики Беларусь.

признаков понятий философа все еще является открытым, его когнитивная составляющая сомнений не вызывает. Что касается аналогичных признаков понятия философии, а также свидетельств ее присутствия в мире, то с ними не все очевидно.

Одним пользователям языка понятие философии указывает на то, что она специфический тип *знания*. Знания, хотя и основывающегося на опыте, искусстве, науке, однако отличного от них благодаря универсальности и предельной общности.

Для других поиски сути философии проходят через ее демаркацию не только от науки, искусства, опыта, но мифа и предания, религии и традиции. Философ, в отличие от мисолога или святого, не претендует на абсолютное обладание знанием-истиной, так как исследует мир в целом не на основе откровения и фантазии, а мышления, довольствуясь ролью ее коллеги. Он также не является ремесленником, спортсменом, политиком и т. п., которые не чужаются *истины для*. Философ является, однако, другом истины *самой по себе*, т. е. безотносительно к плодам, которыми она может одаривать человека, не отказываясь и от *истины для*, как другой стороны той же самой медали.

Благодаря дружбе с истиной-в-себе и истиной для философа по призванию и профессии он связывается с миром в целом. При этом если философ по *призванию* остается по преимуществу теоретиком, то философ по *профессии* оказывается в большей степени практиком. Философ и по призванию, и по профессии принадлежит одновременно двум мирам: *Логоса*, «населенному» логикой, биологией, психологией и тысячами других современных логий и *Фронесиса*, знания практического, опытного и технологического, мировоззренческого, в одно и то же время являясь теоретиком и практиком.

Сопричастность философии логосу, в свете многочисленных альянсов и мезальянсов последнего с разными предметными областями, указывает на родство и отличие философии и науки (конкретно-научного знания). Тесные связи философии и фронтесиса заостряют внимание на критицизме, мышлении (интеллекте), аргументации, творчестве в философии.

Анализируя признаки понятия философии под очерченным выше углом зрения, нельзя, однако, забывать о тех пользователях языка, для которых наука и адекватная практическая ориентация никаких особых эмоций в мире не вызывает, разве что идиосинкразию. Для них философы лишь *заурядные* почитатели мудрости и (или) нескромные противники здравого смысла и искусства (тэкне), в лучшем случае способные убедительно и уместно рассуждать перед специально подобранной аудиторией. Сами философы при этом оказываются

если и не носителями интеллектуальной патологии или чудаками, то, по крайней мере, представителями профессии, объективно уже выпавшей из современного общественного разделения труда, но пытающихся в нем уцелеть, добывая снисхождение у «серьезных профессионалов» с помощью особого (птичьего, по Аристофану) языка.

В такой перспективе необходимый для реализации универсального знания профессиональный язык становится *имитацией и симуляцией* языка жизни, а также суждений подлинных ученых и (или) религиозных пророков, художников и т. д., языком риторических характеристик философии [ср.: 2, с. 15].

Важно, однако, не забывать о том, что риторические характеристики и иллюстрации философии не являются ее понятиями. В первых не различаются существенные и несущественные признаки философии, а сама философия лишь описывается в соответствии с канонами риторики. Оставляя здесь их разбор в стороне, далее рассмотрим лишь особенности понятия философии. Это тем более актуально, что современная речевая коммуникативная реальность ежегодно пополняется десятками сотен новых слов, типа *селфи* в современном английском, а осторожное и ответственное отношение к языковым новациям, стремление «называть вещи своими именами» в ней уже почти кануло в Лету.

С одной стороны, это как-то оправдывается ролью специального языка в наши дни, где он стал приметой не только чудака или обладателя интеллектуальной червоточины, но ученого и (или) профессионала. С другой стороны, и в сегодняшних исторических условиях, для того чтобы не слыть, а быть «любителем мудрости», одного словесного утверждения себя в таком качестве недостаточно. Во-первых, слова, используемые профессионалом, философом должны быть *осмысленными*. Во-вторых, они должны быть *обоснованными*, т. е. вписанными в определенную систему знания. Следовательно, они должны быть открытыми для критики и рефлексии безотносительно к тому, в какой форме, например, критика осуществляется: вопроса или сомнения, отрицания, доказательства и пр.

В отличие от слова-звука-символа, мысленное содержание которого иногда устремлено к нулю, понятие всегда нагружено определенным знанием (истиной). Философ, не являясь пресиджитатором слов, есть слуга истины. Он поэтому не только представитель некоторой социальной группы или конкретно-исторического типа общества, но человечества в целом. Личность, способная на словах и деле быть не только носителем, но и субъектом наиболее общего (универсального) знания. Раскрывая предельно общие основания отношения человека к миру, философ поэтому в состоянии профессионально убедить

не только себя самого, но и ученого, пророка, «человека с улицы» и пр. в том, что любитель мудрости вполне заслуженно может есть свой хлеб.

Универсальный характер философского знания, его моделирование наиболее общих взаимосвязей человека с миром в целом являются важными критериями демаркации философии с одной стороны, и науки, искусства, опыта, мифологии и религии — с другой стороны. Вместе с тем, определяя философию как знание универсальное (первых (последних) причин (оснований)) бытия, познания, оценки и пр., мы так или иначе выбираем лишь *некоторые* из семейства родовых и специфических по отношению к философии понятий.

В зависимости от того, какие именно из него нами выбираются: учение, наука, мировоззрение и пр. в качестве ближайших родовых понятий, мы специально, иногда даже не задумываясь об этом, используем определенную *философию философии*. Это вполне закономерно, так как понятия учения, науки, мировоззрения и философии могут лишь при определенных условиях быть тождественными по своему содержанию, а значит, понятие философии может раскрываться не только средствами логики, с помощью известных *измов* и *логий* (материализма, онтологии и пр.), но и посредством риторической техники описания.

В наши дни использование последней редкостью не является, и в современной философии почти переосмыслено старое платоновское резкое противопоставление риторики и философии. Это, однако, не означает, что в ней уже сформировано четкое понимание того, что *образное* сравнение философии с-, или ее уподобление *чему-, кому-либо*, является не ее *понятием*, а риторической *характеристикой*, *пояснением*, *иллюстрацией*.

С точки зрения риторики, как универсальной науки об убеждении (Аристотель), риторические характеристики философии могут быть хорошими и плохими, удачными и неудачными. Первые приближают нас к понятию философии, будучи оправданными, уместными, и наоборот.

Таким представляется, например, известная характеристика специфичности философского знания И. Берлина. Он указывал на то, что если у вас конкретный вопрос, то за ответом на него следует идти к ученому. Если вопрос ваш является абстрактным, то следует обратиться к математику, и наконец, если вопрос не является ни конкретным, ни абстрактным (математическим, уточнили бы мы), то самое время обратиться к философу. Приведенная характеристика философии является оправданной риторической вариацией на тему ее понятия, так как способствует более глубокому пониманию специфики философского знания.

В наши дни идет процесс реабилитации не только значения риторики для философии, но и роли *знающего* в призвании и профессии любителя мудрости. В словаре русского языка XX в. философа, хотя и называют еще мудрецом и (или) мыслителем, чаще все же считают ученым. При выполнении определенных условий в Беларуси, как известно, можно стать и магистром, и кандидатом, и доктором *философских наук*.

В начале XXI в. содержание понятия философии явно не исчерпывается сферой дружбы с мудростью, формируясь по преимуществу в единстве и отличии философии от других наук, видов мировоззрения, форм общественного сознания, элементов и функций культуры, цивилизации и т. д.

В отличие от риторических характеристик философии, которые в лучшем случае лишь имитируют соблюдение правил логики определения ее понятия, последнее должно им *соответствовать*. Определяя философию, поэтому сначала необходимо указать ближайший род ее понятия, а затем его специфический (ие) признак(и) (*differentia spesifica(ae)*). Ближайшими родовыми по отношению к понятию философии являются, например, *мировоззрение*, *наука*, *общая стратегия действия* и пр. Наоборот, ее характеристики в качестве *отвлеченных рассуждений*, *излишних умствований* и пр. на поверку оказываются риторическим парафразом ее этимологии, а также отдельных частей ее правильной логической дефиниции, т. е. их паралогико-риторическим выворачиванием наизнанку и т. д.

Поэтому вполне объяснимо существование не одного десятка смыслов *слова* «философия» [см.: 3]. Рассматривая их семантику, уместно помнить, что не все паралогико-риторические характеристики являются определениями философии. Для составления репрезентативного списка последних нам к тому же требуется не так много интеллектуальных средств, выражающих ближайшие родовые, а также специфические признаки понятия философии [ср.: 4]. Если не многообразие слов и риторических характеристик философии, а ее число понятий кому-либо кажется все же бесконечным, то, во-первых, число понятий философии принципиально не может быть *потенциально бесконечным*. Оно, во-вторых, может быть лишь актуально бесконечным, или ограниченным с двух сторон: историко-философского процесса и исторической динамики культуры и цивилизации.

Конечное число интересующих нас понятий обусловлено и этимологией их слов, и конкретно-исторической *differentia spesifica* философии. Понятие философии не является к тому же *одномерным*, так как отражает и специфику философского знания (выявляемую в результате анализа его единства и различия с другими типами знания, в том числе

научного, мировоззренческого), и специфичность философии как *деятельности, социального института и образа жизни* [5, с.5—10]. Оставляя в стороне специфику философии как института и образа жизни, далее чуть подробнее рассмотрим специфику философского знания и деятельности.

Специфика философского знания в современных зарубежных и отечественных академических справочных изданиях обычно раскрывается через понятия *идеи и аргументы, теория и типы мировоззрения, школа, направление и традиция* [6, р.VIII], а также *учение, наука, форма общественного сознания, вид духовного производства, культура*, которые, как несложно показать, в чем-то едины и отличны друг от друга.

Специфика философии как деятельности в наши дни обычно раскрывается через дистинкции таких имен, как *исследование, мышление, аргументация, изобретение (творчество)*.

В современных понятиях философии иногда используют не одно, а несколько ближайших родовых по отношению к нему понятий. Например, А. Г. Спиркин в энциклопедическом словаре, определяя философию, оставил в стороне тонкие различия между различными ближайшими родовыми по отношению к понятию философии именами. У него философия предстала в качестве формы общественного сознания и учения, науки, а также мировоззрения [7, с.726]. При желании можно показать, что понятие философии как формы общественного сознания является данью гегелевско-марксовской традиции философствования. Что касается философии как учения, то этот подход был сформирован еще в античности, а сегодня чаще всего используется в неявном виде в обыденном сознании. История дефиниции философии как науки также коренится в античности, с той лишь разницей, что права гражданства в культуре она завоевывала только в Новое время, а утвердилась и еще позже: в неклассической и постнеклассической философии.

Что касается понятия философии как специфического мировоззрения, то оно, оказавшись востребованным в связи с пониманием философии как формы жизни, в лексикон вошло вместе с понятием мировоззрения, по-видимому, не ранее конца XIX — начала XX в.

С этой точки зрения актуальными для формирования строгого понятия философии являются задачи выявления его *исторической изменчивости*, поиска «наиболее краткого и точного определения» [6, р.702], а также обоснования предпочтительности использования лишь одного или нескольких ближайших родовых и специфических по отношению к ней понятий. Перечисленные задачи явно не

укладываются в предметные области известных из истории философских наук и дисциплин, как бы намекая нам на возможность существования еще одной относительно самостоятельной сферы знания — *философии философии*.

Ее возможность и необходимость поясним на примере анализа реализованной в упомянутом выше англоязычном издании такой *краткой и точной* дефиниции философии, как «мышление о мышлении». Как известно, под этой трактовкой философии могли бы подписаться многие любители мудрости разных времен и народов (Парменид, Гегель и др.). Уместно, однако, обратить внимание на проблематичность и открытый характер данного понятия философии.

Во-первых, философия как мышление о мышлении в соответствии с правилами определения одно-временно и слишком широка, и чрезмерно узка. Чтобы «нарядить» любителя мудрости в платье из мышления о мышлении, последнее следует поэтому как минимум и расширить, на практике обычно с помощью риторических средств, и сузить одновременно.

Ограничение объема понятия философии как мышления о мышлении чаще всего правильно осуществляется через указание рефлексивной, критической специфичности философии как интеллектуальной деятельности (исследования). С приведенными признаками понятия философии сложно не согласиться, если также не забывать о том, что философия является и *аргументированным* (в частности, доказательным), и *творческим* мышлением.

Несмотря на то что понятие философии как деятельности, будь то в виде исследования, рефлексии, критики, аргументации, изобретения, дает в наше распоряжение *все* необходимые и достаточные для ее строгой дефиниции интеллектуальные инструменты, последняя ими не исчерпывается. Не исчерпывается прежде всего потому, что, по меньшей мере, *некоторые* из уже известных нам необходимых и достаточных признаков философии в реальном историко-философском процессе общепринятыми никогда не были. Наоборот, те интеллектуальные средства, которые используются в понятии философии, должны быть либо общепринятыми, либо определенными предварительно.

Следовательно, если общепринятыми они не являются, то их следует *предварительно* определить, и если не с помощью логических дефиниций (для строгого понятия философии это, однако, необходимо), то через уместные и удачные риторические характеристики (если мы согласны удовлетвориться приемлемым понятием философии).

Указанные выше логико-риторические аспекты понятия философии в истории философии обычно

опосредствовались неоднородностью структуры философского знания, выделением в ней различных разделов (частей, наук, дисциплин), их делением на основные и вводные (пропедевтические).

Пропедевтика философии еще в древности была названа органомом. Оставляя здесь в стороне вопрос о том, относится ли, и если да, то в каком именно смысле, органом к самой философии, а также какую роль в нем играет логика (кроме логики (аналитики), в аристотелевский органом также включались, как известно, философская семантика («Категории»), герменевтика, топика, критика языковых злоупотреблений), и какая именно логика, далее ограничим себя следующим.

Сама возможность и необходимость использования для выработки понятия философии органомом во многом предопределяются единством и различием философии как теории и практики. Со стороны логоса рефлексивность, критичность, аргументированность и пр. философии как деятельности предполагают по отношению к себе предварительную рефлексию, критику, аргументацию. Со стороны фронесиса стать философом, не занимаясь философией (философствованием), также невозможно. Философствование, как и любое другое профессиональное занятие, реализуется через определенные компетенции и компетентности.

Следовательно, правильно помыслить понятие «философия», и не важно, с помощью каких необходимых и достаточных интеллектуальных средств, без определенного органомом, или исследования, в котором учитываются различия объектного и метауровня философского знания и деятельности в виде философии философии, или ее разделов о метарефлексии, метакритике, метааргументации и т. д., невозможно.

Сказанное означает, что малосущественная на первый взгляд для понятия философии приставка «мета» (с греч. букв. — после) таковой, по-видимому, не является, так как прицельно указывает на существенное свойство *всех* известных нам специфических признаков понятия философии.

Случай, побудивший Андроника Родосского для обозначения работ Аристотеля, следовавших в содержательно-логическом отношении *после* «Физики», ввести в оборот приставку *мета*, был, по-видимому, более чем удачным приближением к утверждению необходимости органомом философии. Не поэтому ли андрониковские «метафизики» в среде любителей мудрости очень быстро утратили множественное число, трансформировавшись в *метафизику* сначала как синоним первой философии, а позже и философии вообще.

В наши дни понятие «метафизика» используется в качестве *синонима* философии, обозначения одного из ее разделов (онтологии), определенного типа философского мировоззрения (антидиалектики). Данное понятие в силу его исторической многозначности, очевидно, вряд ли годится для обозначения органомом философии, или философии философии.

Для этих целей более подходит неологизм «метафилософия», с помощью которого и следовало бы кратко обозначать *органом современной философии*. Используя его, не следует лишь забывать об его известной однопорядковости с понятием метафизики и отличиях от метаматематики, металогики и пр. Метаматематикой обычно называют науку о непротиворечивости и полноте математического знания. Что касается метафилософии, то, судя, например, по содержанию, увидевшего свет еще в 1970 г. журнала «Metaphilosophy», она занимается не столько формальными, а, как уточнил бы Т. И. Ойзерман, содержательными проблемами «самосознания и самопознания философии».

Современные проблемы философии философии, или метафилософии (органомом (введения в философию)), к сожалению, не так часто привлекают к себе внимание отечественных исследователей, в том числе студентов, магистрантов и аспирантов. Не недооценивая в их изучении роли риторической, а также логико-аналитической традиций, в заключение подчеркнем, что в наши дни на повестке дня ее дальнейшее развитие не только в знаниево-деятельностной, но институциональной и жизненно-практической перспективе.

Список цитированных источников

1. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Диоген Лаэртский. — М., 1979.
2. Перепелица, О. Н. Топическое определение философии / О. Н. Перепелица // Философия и социальные науки. — 2013. — № 2. — С.10—15.
3. Потемкин, А. В. О специфике философского знания / А. В. Потемкин. — Ростов н/Д., 1973.
4. Ойзерман, Т. И. Проблемы историко-философской науки / Т. И. Ойзерман. — М., 1969.
5. Чуешов, В. И. Введение в современную философию / В. И. Чуешов и [др.]. — Минск, 1998.
6. The Oxford companion to philosophy. 2-ed. / Ed. by T. Honderich. — Oxford, 2005.
7. Спиркин, А. Г. Философия / А. Г. Спиркин // Философский энциклопедический словарь. — М., 1983.

Дата поступления в редакцию: 13.01.2013 г.